

СЛОВО

въ честь и память св. Отца нашего Іоанна Златоуста ¹⁾.

*„Въ память вѣчную будетъ
праведникъ“ (Пс. СХІ, 6).*

Сегодня по всей православной церкви отъ края ея и до края прославляется одно имя, -- имя великаго Учителя и Святителя Христова св. Іоанна Златоуста. Все полно имъ. Всѣ стремятся такъ или иначе выразить свою любовь и благоговѣніе къ славному пастырю Христова стада. Радуется нынѣ церковь константинопольская, на престолѣ которой нѣкогда сіялъ сей великій свѣтильникъ, торжествуетъ и церковь антиохійская, ибо въ нѣдрахъ ея онъ возросъ и укрѣпился, правдуетъ и церковь російская, столь усердно во всѣ вѣка своего бытія назидавшаяся его твореніями. Что же случилось, что дастъ поводъ къ такому торжественному празднованію памяти св. Іоанна Златоуста? А то, что ежегодное воспоминаніе блаженной кончины его и переселенія изъ земной юдоли въ вѣчную безсмертную славу на небесахъ нынѣ углубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ текущемъ году, въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, исполнилось 1500 лѣтъ со времени этой кончины великаго Святителя.

Пятнадцать вѣковъ непрекращающагося и неумалющагося, но возрастающаго въ своей силѣ и объемѣ вліянія на весь

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Кіево-Братскаго монастыря 13 ноября 1907 г.

христіанскій міръ, это торжество великаго духа надъ смертью и временемъ, которымъ подвластно все человѣческое, это своего рода историческое чудо—вотъ что заставляетъ насъ на рубежѣ новыхъ вѣковъ и тысячелѣтій того же неизмѣннаго вліянія великаго Святителя обратиться къ нему всею душою, излить предъ нимъ всю благодарность любящихъ чадъ и восхвалить его всѣми похвалами, на какія мы только способны. Это и происходитъ нынѣ по всему пространству православной церкви: всюду восхваляется великій во іерархахъ Іоаннъ и тысячи похвальныхъ словъ произносятся въ честь и память его. Но кто можетъ по достоинству восхвалить св. Іоанна Златоустаго? Еще св. Прокль Константинопольскій, одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ его по кафедрѣ, говорилъ, что этого никто не можетъ сдѣлать, равнѣ другой бы такой же Іоаннъ нынѣ явился. Но Церковь имѣла только одного Іоанна Златоустаго и нѣтъ поэтому слова достойному служителю Слова. Однако такъ какъ память его, слагающаяся, по выраженію того же св. Прокла, изъ воспоминанія его безчисленныхъ трудовъ, подвиговъ и наставленій, подобно переполненной водами рѣкѣ, напаяетъ души вѣрныхъ, то и мы съ вами, братіе, должны прильнуть къ этой рѣкѣ и, хотя мало, испить отъ ея живительныхъ водъ.

Кто изъ сколько-нибудь внимательныхъ вѣрныхъ не знаетъ имени св. Іоанна Златоустаго? Почти каждый день въ теченіе цѣлаго года дивное твореніе его—Божественная литургія освящаетъ вѣрныхъ, они молятся составленными имъ молитвами, а въ свѣтлую ночь Христова Воскресенія кто не переживалъ минуты великаго духовнаго восторга, слушая его пасхальное огласительное слово? Кто изъ вѣрныхъ, вкусивши хоть разъ отъ сладости безконечно навидательныхъ и въ высшей степени художественныхъ его твореній, не влекся бы къ нимъ снова съ непреодолимою силою? Передъ кѣмъ не стоитъ проникшіи хоть разъ въ сознаніе чудный образъ

его св. жизни и его скорбной, но блаженной кончины? И что болѣе дивнымъ представляется намъ въ Іоаннѣ: его жизнь или его творенія? Этотъ вопросъ такъ и нельзя было бы разрѣшить, если бы жизнь и творенія Златоуста не представляли бы одного цѣлаго, не образовывали бы единой цѣлостной личности, въ которой творенія не отдѣлимы отъ жизни и жизнь отъ твореній. Св. Іоаннъ Златоустъ продолжаетъ жить въ своихъ твореніяхъ, а не только на небѣ, равно какъ его творенія обязаны своимъ происхожденіемъ его святой жизни и ея исключительному дѣлу—спасенію ближнихъ. Итакъ, поистинѣ дивны и его жизнь и его творенія.

Благоговѣнное изумленіе возбуждаетъ въ насъ жизнь св. Іоанна Златоуста. Отъ перваго сознательнаго движенія и до послѣдняго вздоха она вся посвящена Богу. Нѣтъ въ ней пробѣговъ и пропусковъ, нѣтъ отступленій назадъ и уклоненій въ сторону. Какъ стрѣла, выпущенная изъ лука и прямо несущаяся къ своей цѣли, такъ и некроткая жизнь св. Іоанна есть одинъ стремительный бѣгъ къ почести вышняго званія. Крѣпко держалъ кормило своего жизненнаго корабля св. Іоаннъ, всегда направляя его въ тихую пристань небеснаго царствія, и никакіе обманчивые миражи не заставили его усумниться въ достоинствѣ своей цѣли, ея исключительной цѣнности и превосходству передъ всѣми другими жизненными цѣлями и соблазниться трудностью пути къ ней, исполненнаго многихъ скорбей и лишеній. Даже тогда, когда наставленный по заботамъ своей рѣдкой и удивительной матери Анеусы, имя которой никогда не можетъ быть умолчано, когда рѣчь идетъ о св. Іоаннѣ Златоустѣ, не въ однихъ только христіанскихъ правилахъ и христіанской мудрости, но и въ свѣтскихъ наукахъ и при томъ у лучшихъ наставниковъ того времени, еще не потерявшаго прежней славы въ этомъ отношеніи, и того города, гдѣ жилъ св. Іоаннъ,— а это была Антиохія Сирійская—столица всего Востока и

центр его просвѣщенія, св. Іоаннъ могъ бы смѣло и быстро завоевать себѣ блестящее положеніе въ жизни, стать знаменитостью, а, быть можетъ, и великимъ сановникомъ,— онъ не былъ обольщенъ такими раскрывавшимися передъ нимъ видами, передъ которыми не усоятъ тысячи юношей, менѣе даровитыхъ и менѣе образованныхъ. И тотъ краткій періодъ, когда онъ предлагаетъ къ дѣлу свои свѣтскія познанія, былъ для него лишь способомъ и средствомъ того знакомства съ міромъ нищеты, горя и различныхъ бѣдствій, которое ему потомъ такъ пригодилось въ чисто пастырскомъ служеніи и которое его, между прочимъ, и направило на этотъ путь высшаго и совершеннѣйшаго служенія своимъ ближнимъ. И по собственному идеальному побужденію, и чудесно руководимый Провидѣніемъ, готовившемъ въ его лицѣ великаго свѣтильника Церкви, св. Іоаннъ, подобно столь любимому имъ ап. Павлу, вмѣняетъ все свои вѣщныя пріимущества въ соръ ради Христа и избираетъ самый лучший и надежный путь приготовления къ тому дѣлу всей своей жизни, которое придаетъ ей такое исключительное значеніе, т. е. пастырстау. Путь этотъ—аскетизмъ, личное духовное усовершенствованіе, которое, отвѣчая прежде всего пламенному желанію самого св. Іоанна, было самою лучшею подготовительною школою для его великаго пастырскаго служенія. Ибо вообще нужно признать, что тамъ нѣтъ я не можегъ быть плодотворнаго служенія спасенію ближнихъ, гдѣ отсутствуетъ сознаніе необходимости прежде всего въ себѣ самомъ побороть страсти, прежде всего самому неуклонно стремиться къ исполненію заповѣдей. Эта связь личной праведности и личнаго аскетическаго подвига съ пастырскимъ служеніемъ прекрасно раскрыта самимъ Златоустомъ въ его поистинѣ классическомъ трудѣ по пастырскому богословію: *шесть словъ о священствѣ*. Итакъ, если кому-либо покажется, что между тѣмъ шестилѣтнимъ періодомъ жизни св. Іоанна Златоуста, когда онъ въ сирійскихъ

горахъ ведетъ строгую подвижническую жизнь, и послѣдующимъ его служеніемъ пастырскимъ нѣтъ связи, что одинъ періодъ является противоположностью другого и что только несчастная для самого подвижника и счастливая для Церкви случайность (именно болѣзнь и расстройство здоровья) вызвала Златоуста изъ пустыни въ Антиохію, изъ уединенія на кафедру, то это—ведоразуміе. Между тѣмъ и другимъ періодами жизни св. Іоанна Златоуста самая глубокая внутренняя связь, самое строгое единство цѣли и направленія жизни. Именно въ пустынѣ закладывались основы глубокаго пастырскаго воздѣйствія св. Іоанна, именно здѣсь очищалась и разгаралась въ бурный пламень та его любовь къ ближнимъ, ревность объ ихъ спасеніи, краснорѣчивѣйшими свидѣтельствами которыхъ являются многія страницы его твореній и всѣ его послѣдующіе труды. Здѣсь же онъ еще больше расширилъ и углубилъ и еще раньше приобрѣтенное въ христіанской школѣ знакомство съ словомъ Божиимъ, богодухновенными писаніями, умудряющими насъ во спасеніе (2 Тим. III, 15), и здѣсь же, безъ сомнѣнія, онъ пріучался къ пламенной молитвѣ, безъ которой пастырскій подвигъ не мыслимъ. Какъ нужно поѣтому восхвалять то уединеніе, которое является затѣмъ спасеніемъ многого множества! О блаженна пустыня, дающая міру великаго пастыря!

Итакъ, св. Іоаннъ Златоустъ выступилъ на дѣло спасенія ближнихъ и, конечно, служа этому великому дѣлу источникомъ и образцомъ котораго является сама искупительная любовь Божія, спасая другихъ, онъ, по непреложному закону истинно-духовной жизни, спасался и самъ, восходя по степенямъ духовнаго совершенства, пока не достигъ безмѣрной славы на небесахъ въ вѣчности и на землѣ въ исторіи. Церковное служеніе св. Іоанна Златоуста, падающее на послѣднія двадцать лѣтъ IV-го и первые годы V-го столѣтія, не сопровождалось какою-нибудь борьбою за

догматы, чѣмъ полно предшествующее и послѣдующее время въ исторіи Церкви и чѣмъ славны старшіе и младшіе современники св. Іоанна Златоуста, другіе великіе Отцы и Учители вселенской Церкви. Время служенія св. Іоанна—это, какъ справедливо отмѣчаютъ, время „догматическаго перемирія“ и дѣятельность его есть дѣятельность великаго преобразователя нравовъ, великаго борца за чистоту христіанской жизни, за полное, а слѣдовательно, и единственно-истинное осуществленіе безусловныхъ евангельскихъ заповѣдей и идеаловъ. Плоды этой неутомимой дѣятельности и этой самой сильной борьбы по самому свойству ихъ остаются для насъ, отдаленныхъ вѣками отъ того времени, невидимыми, незримыми, но мы можемъ судить о нихъ по тому дѣйствию, какое производятъ на насъ одни оставшіяся послѣ св. Іоанна творенія и они откроются во всей славѣ въ тотъ день, когда обнаружится не только внѣшняя, но и вся внутренняя, такъ сказать, исторія Церкви, сокровенная жизнь всѣхъ ея членовъ. Тогда, когда будетъ подведенъ итогъ и сдѣлано заключеніе ко всей исторической жизни Церкви Христовой на землѣ, тогда-то и обнаружится все то необъятное и многоцѣнное добро, которое при благодатной помощи Божіей посѣялъ въ душахъ вѣрныхъ великій Святитель, и опредѣлится въ исторіи Церкви его исключительное, можно сказать,—единственное въ своемъ родѣ значеніе. Вѣдь поддержать бѣднаго путника въ небесное отечество, т. е. человѣка въ его роковой борьбѣ съ постоянно обольстительнымъ грѣхомъ, борьбѣ, рѣшающей его вѣчную участь,—отрясти лѣнь, прогнать уныніе, спасти отъ отчаянія, этой духовной смерти,—какая это благородная, подлинно-христіанская задача. Но ее и только ее и преслѣдовалъ св. Іоаннъ и притомъ столь успѣшно и побѣдоносно и какіе неисчислимыя залоговныя неотразимаго нравственнаго воздѣйствія хранятся невидимо въ сердцахъ цѣлыхъ сотенъ поколѣній христіанскаго народа, начиная отъ его непосред-

ственныхъ слушателей и членовъ его паствы. Но и то, что занесено на страницы церковно-историческихъ лѣтописей, ясно говоритъ о размѣрахъ пастырской ревности св. Іоанна Златоуста и о ея успѣхахъ. Именно эти лѣтописи говорятъ и о помощи, оказанной св. Іоанномъ своей паствѣ въ одно тяжелое для нея время, когда надъ нею разразился царскій гнѣвъ, и объ исправленіи нравовъ антiохійцевъ, происшедшемъ подъ вліяніемъ проповѣди ихъ пастыря, и о великихъ миссіонерскихъ заботахъ св. Іоанна Златоустаго,—особенно въ послѣдній періодъ его жизни, и о томъ, какъ относился къ нему константинопольскій народъ и какъ сама императрица Евдоксія, такъ много зла причинившая Святителю Христову, потомъ смиренно просила прощенія за содѣянный грѣхъ въ лицѣ своего царственного сына, императора Θεодосія. Сколько душъ спасено отъ вѣчной гибели св. Іоанномъ и о какомъ великомъ множествѣ онъ съ дерзновеніемъ можетъ сказать: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“ (Ис. VIII, 18; Евр. II, 13). О поистинѣ блаженъ Іоаннъ, если онъ послужилъ спасенію такого множества людей!

Чѣмъ же св. Іоаннъ Златоустъ дѣйствовалъ такъ могущественно на сердца людскія, какими путями шло его неотразимое нравственное вліяніе? Самый простой, хотя и неподный, отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ тотъ, что сила вліянія Златоуста заключалась въ его словѣ. Да, служеніе примиренія, т. е. пастырское служеніе для св. Іоанна Златоуста было по преимуществу служеніемъ слова. Всѣ единогласно признаютъ въ Іоаннѣ Златоустѣ величайшаго проповѣдника восточной Церкви. За нимъ утвердилось имя Златоуста, ставшее его собственнымъ. Знатоки искусства церковнаго краснорѣчія утверждаютъ, что для желающаго стать хорошимъ проповѣдникомъ самая лучшая школа—это изученіе твореній св. Іоанна Златоуста. Такъ краснорѣчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто, такъ назидательно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлекательно проповѣдывать, какъ проповѣдывалъ св. Іоаннъ Златоустъ, могъ только онъ одинъ и

даже до настоящаго времени, не смотря на преодолившуюся вторую тысячу лѣтъ съ той поры, какъ смолкли златія уста вселенскаго святителя, онъ остается въ этомъ отноше- нии не превзойденнымъ. Блестящія по вѣщности, его про- повѣди, представляющія въ большинствѣ случаетъ истолко- ваніе Свящ. Писанія, замѣчательны по тому чистому еван- гельскому духу, который проникаетъ ихъ насквозь. Св. Ио- аннъ Златоустъ проповѣдникъ чистаго, безпримѣснаго хри- стіанства, подлиннаго Евангелія: не даромъ сказано, что уста Златоустовы суть уста Христовы. вмѣстѣ съ тѣмъ про- повѣди Златоуста обнаруживаютъ такое изумительное знаніе души человѣческой, всѣхъ тайныхъ изгибовъ человѣческаго сердца, что они оставляютъ слушателя или читателя ихъ безответнымъ, прямо покоряютъ и плѣняютъ его. Въ чемъ же заключается тайна этого неподражаемаго краснорѣчія, гдѣ ключъ къ разгадкѣ столь удивительнаго проповѣдническаго таланта? Не въ однихъ, конечно, природныхъ дарованіяхъ, которыми щедро наградила Богъ св. Иоанна Златоуста еще отъ юности и которыя онъ, какъ рабъ благій и вѣрный, приумножилъ своимъ раченіемъ и трудомъ, и не въ школѣ и ея упражненіяхъ, которыя онъ проходилъ до своего воз- раста. Мы знаемъ и другихъ одаренныхъ отъ природы и прошедшихъ ту же риторскую школу Отцовъ и Учителей Церкви, но въ ихъ проповѣдяхъ больше искусства, а мень- ше простоты, задушевности и глубокой назидательности, чѣмъ въ проповѣдяхъ св. Иоанна Златоуста. А тайна един- ственнаго и несравнимаго краснорѣчія Златоуста заключается въ его любви къ своимъ слушателямъ, въ той глубокой нравственной связи, въ какой онъ находился со своею паст- вою. „Вы все для меня—исповѣдывался онъ однажды передъ народомъ—: если бы сердце мое, разорвавшись, могло от- крыться предъ вами, вы бы увидѣли, что вы всѣ тамъ про- странно помѣщены: жены, дѣти и мужчины“ (Бес. на кн. Деян. Ап.). Онъ принялъ всѣмъ сердцемъ заповѣдь Спаси-

теля объ отношеніи добраго пастыря къ своимъ овцамъ, т. е. не о внѣшней только принадлежности пастыря къ овцамъ, но о такой внутренней связи съ ними, чтобы она приближалась, если не прямо переходила, въ существенную. А любовь дѣлаетъ человѣка и безъ природныхъ дарованій краснорѣчивымъ, особенно если она видитъ того, кого любить, въ опасности, какой съ христіанской точки зрѣнія является единственно потеря спасенія. Она же заставляетъ любящаго дѣлиться съ любимымъ содержаніемъ своей духовной жизни. Подобно тому какъ „Отецъ любить Сына и показываетъ Ему все, что творитъ Самъ“ (Іоан. V, 20), такъ и просвѣтленный и расширенный любовью духъ человѣческой естественно изливаетъ свою полноту далеко за предѣлы своего личнаго бытія. Но не легко стяжать даръ любви. Это „превосходнѣйшій путь“ (1 Кор. XII, 31) и нужно пройти всю скалу добродѣтелей, дѣйствительно сдѣлаться святымъ, чтобы стяжать эту жемчужину. И прежде всего нужно имѣть ту непоколебимую вѣру, которой обладалъ св. Іоаннъ Златоустъ и которая граничитъ у него съ видѣніемъ. Св. Іоаннъ Златоустъ не догматистъ вообще; онъ тайны вѣры не изслѣдуетъ, но подъ всѣми его писаніями, какъ непоколебимое основаніе и глубочайшій родникъ, изъ котораго текутъ рѣки его наставленій, кроется его глубокая вѣра въ основные догматы христіанскаго ученія. Можно съ несомнѣнностью сказать, что для него міръ невидимый, духовный былъ несравненно реальнѣе, чѣмъ міръ видимый, чувственный и весь порядокъ созерцанія былъ у него обратный, чѣмъ у насъ, находящихся во власти внѣшнихъ чувствъ и конкретныхъ понятій. Затѣмъ нужно стяжать его безграничное милосердіе и любовь къ меньшимъ братьямъ Христовымъ, т. е. нищимъ и всякаго рода нуждающимся, для которыхъ такъ много сдѣлалъ Іоаннъ Златоустъ своими проповѣдями и которымъ онъ отдавалъ буквально все, что имѣлъ.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Великъ Іоаннъ Златоустъ въ своей жизни, но великъ онъ и въ самой своей смерти, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ изгнаніи послѣ того, какъ онъ занималъ важнѣйшій престолъ восточной церкви, столичную кафедру. О Іоаннѣ, — воскликнемъ мы вмѣстѣ со св. Прокломъ, жизнь твоя поистинѣ была исполнена скорби, но смерть твоя почетна, гробъ твой славенъ, награда твоя велика! Трогательна кончина св. Іоанна Златоуста, которую мы нынѣ вспоминаемъ, и глубоко назидательно то предсмертное наставленіе, которое онъ преподаетъ всѣмъ намъ въ своихъ послѣднихъ словахъ: *слава Богу за все.*

Несомнѣнно и мы благодаримъ Бога за то, что Онъ даровалъ Своей Церкви такого Святителя, ибо справедливо сказалъ одинъ церковный писатель, что нѣтъ такого безчувственного человѣка, который бы не возблагодарилъ Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило. Будемъ же завидаться его безсмертными твореніями, ибо не знать столь прекрасныхъ твореній, по выраженію того же писателя церковнаго, то же значить, что не видѣть солнца въ самый полдень. Вблизи примемъ къ сердцу его главнѣйшіе завѣты: изученіе слова Божія, упражненіе въ молитвѣ и милостыню—эту „царицу добродѣтелей“. А о немъ самомъ пребудемъ въ той увѣренности, что его небесной славѣ всегда будетъ отвѣчать его вѣчная слава на землѣ, согласно псаломскому слову: „въ память вѣчную будетъ праведникъ“ (Пс. СХІ, 6). Аминь.

Иером. Анатолий.